

«РУССКИЙ МИР» В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

В.М. Бородич
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Процессы, происходящие в современном мире, во многом подтверждают догадку экзистенциально настроенных авторов о том, что «смерть Бога» неизбежно обернется смертью человека, который есть лишь отклик (на вызов, на зов, на призыв). Мир человека – мир слова, а не просто знания или, тем более, информации. Цель данной статьи – определить особенность сдвигов в пластах русского литературного языка в связи с последними историческими событиями.

Материал и методы. Объектом исследования являются важнейшие мифологемы русской цивилизации в их литературном преломлении. Используется диалектический метод и некоторые приёмы герменевтики.

Результаты и их обсуждение. «Мир таинственный, мир мой древний...». Конечно, русский мир – не только «деревня», о губительной схватке которой с «городом» говорил С.А.Есенин. Хотя сам А.С.Пушкин предварял вторую главу «Евгения Онегина» эпиграфом из Горация: «*O rus!*». Для подлинно русского человека представить Русь без деревни немыслимо. Однако, в словосочетание «русский мир» можно вкладывать и иные смыслы: от простого (на первый взгляд) – «мир русского языка», до геополитического – «русская цивилизация». Сегодня в поэзии «русский мир» далеко не всегда ассоциируется с традиционными образами русской природы и жизни, а тем более – мифологией. Порой кажется достаточной ритмическая организация пространства русского языка посредством звука. Иное дело, насколько его (язык) можно абстрагировать от мифологии...

Русская литература, включая поэзию, действительно была великой или даже святой. Томас Манн считал, что более высокой человечности, чем в русской литературе, не было нигде и никогда. Орловский поэт и эссеист В.А.Ермаков видит в ней самоотверженную попытку русского духа обрести свободу. Есть ощущение, что «святость» русской литературы закончилась. Как замечает тот же Ермаков [1], русская литература на протяжении, по крайней мере, нескольких веков, имела загадочный роман с Властью. И завершился этот роман с разрушением Советского Союза.

*Когда-нибудь, достигнув совершенства,
Великолепным пятистопным ямбом,
Цезурами преображая ритмы,
Я возвращусь в советскую страну,
В союз советских сказочных республик,
Назначенного часа ожидая,
Где голос наливался, словно колос,
Где яблоками созревала мысль,
Где песня лебединая поэта
Брала начало с самой первой строчки
И очень грубо кованые речи
Просторный возводили Храм свобод... (Б.Т.Примеров)*

Поэт сближает здесь Святую Русь с Советским Союзом, т.е., так или иначе, с Великой Россией. Современной же России и её Власти он в какой-либо сакральности отказывает. А по сему – с ними невозможен и «роман». Определение данного отношения, как романа, Ермаковым представляется весьма удачным. А метафизическую и психологическую подоплеку «романтической любви» замеча-

тельно раскрыл юнгианец Роберт А. Джонсон [2]. Сакральность Власти – русский соблазн! Соблазн вольного русского духа – в том числе и русской литературы.

*Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?
Царь, да Сибирь, да Ермак, да тюрьма!
Эх, не пора ль разлучиться, раскаяться...
Вольному сердцу на что твоя тьма? (А.А.Блок)*

Власть в русском языке – существо женского рода. И с христианской точки зрения она нуждается в освящении. Западная Номократия также освящается, но через Право, источником которого признаётся Закон. Причём, сегодня эта конструкция выглядит сугубо позитивистской. Её истоки – в культе человеческого разума, в рационализме эпохи Просвещения. У русских же имеет место Идеократия. Власть через понятие, как логическую модификацию Идеи в платоновском смысле. В конечном счёте – через миф. Власть Слова! Тоска по Слову...

*Но забыли мы, что осиянно
Только слово средь земных тревог,
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что Слово это – Бог.
Мы ему поставили пределом
Скудные пределы естества.
И, как пчелы в улье опустелом,
Дурно пахнут мертвые слова. (Н.С. Гумилёв)*

Само понятие «русский» часто становится предметом остракизма. Особенно со стороны либералов. Якобы русские не способны к адекватной идентификации, иначе бы они определяли себя именем существительным (как англичане, французы и пр.). Что можно на это ответить? В русском языке есть такие конструкции как русич и рос. В Советском Союзе общим именованием для граждан было «советский». Опять-таки – прилагательное. Между «русским» и «советским» существовало напряжение, но не как между узко-национальным и универсальным. Речь шла о конкретном понимании Великой России: Империя или Союз? Русские поэты также участвовали в этой дискуссии. Так, Т.М.Глушкова отдавала предпочтение Союзу, указывая и на не-русскость самого термина Империя. К тому же, слово «союз» подчёркивает несколько иной характер единства (братство, лад, а не Силу как таковую, пусть и сакральную). Проблема, однако, не в силе или бессилии Власти, а именно в принципе её сакрализации. В этом и состоит отличие между «красными» и «белыми» имперцами. Причём и «красные» в своём романе с Властью (Великой Россией) не питали особой симпатии к большевикам и советских «царедворцам».

В русском национальном сознании давно закреплён персонифицированный образ Матушки Руси. В древнерусской литературе сначала это был пространственно-временной образ земли, страны как таковой. Автор «Слова» «сумел окинуть всю Русь целиком, объединил в своем описании и русскую природу, и русских людей, и русскую историю» [3, 23-24]. Что касается создания собственно антропоморфных образов уже России, то они появляются в русской словесности в первой трети XVIII столетия: Феофан Прокопович, М.В.Ломоносов. Но, пожалуй, выразительнее всего – у В.К.Тредиаковского:

*Россия мати! Свет мой безмерный!
Позволь то, чадо прошу твой верный,
Ах как сидишь ты на троне красно!
Небо Российску ты Солнце ясно!*

«Русский» – тот, кто чтит Русь. А Русь и Россия – две разных исторических ипостаси Русского мира. И русский – не обязательно великоросс! Это важно усвоить и сепаратистам, и ортодоксальным имперцам.

*Когда всё чуждое осилю
В душе, я в рост свой поднимусь
Не за Великую Россию, –
Я встану за Святую Русь!
Кто в этом разницы не чует,
В том не пульсируют века,
Тот душу пусть свою врачует,
Не русский он ещё пока.* (Н.А.Зиновьев)

Власть самого Слова, а значит, и роман с Ним, для поэзии (особенно русской) – куда актуальнее, чем возможность романа с Державой. Поэзия во многом и есть борьба со Словом. Вот только не является ли низведение последнего до уровня знака пирровой победой?

Список литературы

1. Ермаков, В.А. Путешествие из Китеж-града в Петушки, или Русская история в поисках своего смысла // Дружба народов. – 2002. – № 3.
2. Джонсон, Р.А. Мы: Источник и предназначение романтической любви – Издательство «Гиль-Эстель», М. и «Университетская книга», СПб, 1998.
3. Лихачев, Д.С. Золотое слово русской литературы // Слово о полку Игореве. – М., 1972.

К ВОПРОСУ О ЛОКАЛИЗАЦИИ ДЕТИНЦА ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО НОВОГРУДКА

*Т.С. Бубенько
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

Впервые летописный Новгородок, Новоугородок, в письменных источниках появляется относительно поздно (1212 год). К 1235 году относится первое косвенное упоминание Новогрудка как центра удельного княжества, в котором княжил Изяслав Новгородский. Следующий раз Новогрудок появляется в летописях только лишь в 1252 г., когда в связи с военными действиями против Литвы Даниил Галицкий и его сын князь Василько «поидовста к Новоугороду». В связи с этим во главу угла в вопросе происхождения долетописного Новогрудка ставятся археологические материалы.

Цель исследования. Исходя из названия города, «Новогрудок» – Новый городок, возникает вопрос, что где-то в округе должен быть «Старый городок» – предшественник Новогрудка, в противовес которому и было основано новое поселение. Но тем не менее, на сегодняшний день остаётся невыясненным вопрос о локализации раннего Новогрудка и его генезисе, несмотря на постоянный исследовательский интерес археологов и историков к данной проблеме.

Материал и методы. В основу статьи положены материалы авторских раскопок на Замковой горе (1991–1992), Малом замке и Борисоглебской возвышенности (2012), полученные в результате археологических раскопок и шурфовок в историческом центре Новогрудка; письменные источники и научные публикации исследователей-медиевистов по данной проблеме. При определении хронологии культурного слоя и артефактов использовались археологические методы датиров-